

— Мелкий, а помылся-то быстро! — Я до того вымотался, что не было сил отвечать. Сбросил обувь и полез на верхнюю койку. — Что такое? Недоволен, что тебя похвалили? — Не успел он договорить, как мою лодыжку крепко сжали. — А ну, спускайся-ка обратно! — Я соскользнул вниз, да так неудачно, что приземлился прямо на пятую точку.

— Ты! — Я вскочил на ноги и, не в силах больше терпеть, ударил его кулаком. Но на полпути он перехватил мою руку.

— А характер есть! Жаль, силёнок маловато. Смотри, как надо... — Хрусть!

— Мама! — Я разрыдался: запястье пронзила острая боль, будто кость сломалась.

— Наревелся? Иди принеси кипятка, пить хочется, — лениво скомандовал парень с кровати. Мое запястье горело огнем, кожа покраснела, а рука пульсировала от боли — как я донесу тяжелые термосы? — Хочешь, чтобы я и вторую руку тебе так же подправил? — Он приподнялся и с недоброй усмешкой уставился на меня и мою покалеченную кисть.

— Нет! — Я поспешил к двери и схватил термос.

— Эй, ты что, только себе собрался нести? А мне? — Только тут я заметил, что у двери стоят четыре термоса. Он требовал, чтобы я принес два.

Стиснув зубы, я подхватил второй и вышел в коридор.

— Ну вот, другое дело. — И тут, уже за порогом, я внезапно осознал: а где вообще находится комната с кипятком?

— Что такое? Передумал идти?

— Нет...

— М-м?

— Я не знаю, где набирать воду...

— Да ну? — Обитатель койки поднялся, подтянул брюки, пригладил волосы и прищурился: — Кажется, ты совсем бестолковый.

— Я бестолковый? — За свои пятнадцать лет я слышал в свой адрес только похвалы за смекалку, когда же я успел стать глупым?

— Даже не можешь найти комнату с кипятком — если ты не бестолковый, значит, просто тупица!

— Ты! Я... — У меня перехватило дыхание. Схватив термосы, я выскочил за дверь, а мне вслед донесся громкий издевательский смех.

Может, от злости, которая кипела внутри, но я без страха вошел в жаркое помещение, не испугался громкого гула кипящей воды и смог дотащить два тяжелых термоса обратно. Но когда я, задыхаясь, поставил их у двери, в груди вдруг стало тесно, а перед глазами поплыли черные круги.

Я, держась за грудь, опустился на стул с номером три и уронил голову на стол с такой же цифрой.

— Ну что, глупыш, нашел всё-таки? — Мое плечо тяжело хлопнуло. — Что, таскался за кем-то, пока не нашел? — Я не поднял головы, но слышал его усмешку. Настоящий изверг! Я не осмелился высказать это вслух, но слезы сами собой покатались из глаз.

— Эй, мелочь, будешь кофе? Настоящий французский кофе! — Я услышал звон ложечки о чашку и почувствовал незнакомый доселе аромат. Но я не шевелился — грудь всё еще болела. — Эх, ладно! Раз уж ты постирал мои вещи и принес воды, дам тебе попробовать. — Он забрал чашку, стоявшую передо мной, и я услышал, как он наливает кипяток и размешивает напиток. Чашка с глухим звуком опустилась передо мной. — Пей, мелкий!

— Что такое? Стесняешься? — Я поднял лицо и слегка отодвинул чашку — она обжигала щеки. — Ладно! Пей потихоньку. Я домой пойду! Это проклятое место — просто ад какой-то! — Раздался насвистываемый мотивчик, звук шагов переместился к двери, а затем и за порог. — Эй, мелкий! Сложи мое одеяло, а! — В коридоре загрохотали быстрые шаги, которые стремительно удалились и стихли.

Я медленно поднялся, прижимая одну руку к груди, а другой взял чашку со стола. Прошел в умывальную, выплеснул содержимое в раковину и принялся яростно отмывать чашку водой.

Умывшись, я достал из рюкзака оставшиеся семьсот юаней и вышел из общежития — мама строго наказала положить лишние деньги в школьный банк и открыть счет, чтобы в будущем она могла переводить мне деньги на жизнь прямо на карту.

Пока я возился с оформлением счета и внесением денег, на улице начало смеркаться. Живот был словно набит камнями, аппетита не было, и я побрел обратно в комнату.

Дверь оказалась приоткрыта. Внутри я увидел двоих новичков: они выглядели уставшими, покрытыми дорожной пылью, но их лица сияли восторгом. Сразу видно — такие же деревенщины, как и я. Только вот чего так радоваться поступлению в этот дурацкий университет?

Я не проронил ни слова: они были заняты тем, что перерывали свои огромные чемоданы и рюкзаки. Я помыл ноги, забрался на кровать и уже собрался раздеваться, как вдруг мой взгляд упал на нижнюю койку, где одеяло было свернуто кучей, напоминающей собачью экскременты.

— Спать, просто спать, — повторял я себе, крепко зажмурившись и лежа на циновке. Но окаянная куча никак не выходила из головы. Я ворочался, ворочался, да так и не выдержал. Слез с кровати, тщательно, аккуратно сложил чужое одеяло — до тех пор, пока оно не стало выглядеть опрятно и приятно для глаз, — и только тогда забрался обратно и провалился в сон.

<http://bllate.org/book/21943/2279729>